

Рыскин Сергей Федорович

**Купленный митрополит, или
Рогожские миллионы: Роман
из истории раскола**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Федорович Р.**
Купленный митрополит, или Рогожские миллионы: Роман из истории раскола
/ Рыскин Сергей Федорович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 414 с.

ISBN 978-5-519-84218-1

ISBN 978-5-519-84218-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стія", а именно тѣхъ, которымъ разныя житейскія обстоятельства,—родственныя связи, торговыя и инныя промышленныя дѣла, — не позволяли покинуть насиженныя прадѣлами и дѣдами мѣста.

Ожиданія пришествія антихриста и копчипы міра во всей этой раскольничьей массѣ особенно ясно проявились съ первыми годами царствованія Петра Великаго.—Но, проходилъ день за днемъ, годъ за годомъ, а этотъ противникъ Христовъ не являлся, и архангельская труба не гремѣла грознымъ предвѣстіемъ страшнаго суда Божія.

— Что сіе значитъ и какъ намъ теперь быть?..—начали спрашивать тогда сами себя раскольники. — Антихристъ не объявляется, а у насъ священство до-никоновскаго „древне-православнаго“ поставленія оскудѣваетъ!.. Какъ ни думай, а намъ предстоитъ опасность остаться не только безъ епископскаго, но даже и безъ іерейскаго чина!..

И дѣйствительно, положеніе раскольниковъ въ то время было таково, что имъ или совсѣмъ безъ „священства“ оставаться приходилось, или-же предстояло заимствоваться, за оскудѣніемъ „старыхъ“, „новыми“ іерейми отъ „никоніантъ“.

Тогда одна часть ихъ, порѣшивъ, что антихристъ явился въ міръ духовнымъ образомъ, и что настоящаго іерейства быть болѣе не можетъ, стала обходиться безъ священства и образовала изъ себя согласіе „безпоповщины“, другая-же, болѣе многочисленная, усомнившись въ близкомъ наступленіи царства Христова противника, не признавая, однако, господствующую въ Россіи и согласныя съ нею восточныя церкви въ вѣрѣ своей поврежденными и еретическими, рѣшила остаться съ до-никоновскими, возведенными ими въ догматы, обрядами и ошибками въ богослужебныхъ книгахъ, призывая или, вѣрнѣе сказать, сманивалъ къ себѣ отъ „еретиковъ-никоніантъ“ священный чинъ,—и составила изъ себя толкъ „поповщины“.

„Безпоповщина“, главнымъ образомъ, сосредоточилась на сѣверномъ русскомъ поморьѣ, гдѣ основались знаменитые въ расколѣ Выгорѣцкіе скиты, „поповщина“-же, имѣя своимъ сосредоточіемъ „Керженецъ“, пустила глубокіе корни на

Вѣтъ и въ Стародубѣ, и вообще воздѣ, гдѣ „люди древняго благочестія“, живя по въ дѣблахъ лѣсныхъ, а въ весняхъ и городахъ многочисленныхъ, желали креститься и вѣнчаться хотя-бы и „отъ ереси приходящихъ іереевъ“, но никакъ не отъ мужиковъ, которые начали конупетвенно совершать у беспоповцевъ всѣ духовныя требы.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, — и вотъ, въ раскольникѣмъ мірѣ „поповщины“, которая начала „окармляться бѣгствуящимъ свлщепствомъ“, то-есть, стала сманивать изъ православной церкви недостойныхъ священнаго сана священниковъ, припимая ихъ къ себѣ „съ исправой отъ никоніанской ереси“, снова явилось старое сознаніе, что все ея общество, не имѣя архіерейскаго чина и обходясь только съ однимъ іерейскимъ, никонмъ образомъ церковію считать себя не можетъ, а представляетъ собой, по Писанію, *самочинное собрание*.

Эта угнетающая и тревожная мысль не давала раскольникамъ-поповцамъ, какъ они говорили, „мира со своею совѣстію“, и общее безпокойство ихъ дошло, наконецъ, до того, что въ Керженскихъ скитахъ и другихъ мѣстностяхъ родились для успокоенія „древняго православія“ сказочныя повѣсти о „сокровенномъ архіерействѣ“.

— Ходилъ я, — писалъ тогда ко всему раскольникѣму міру одинъ раскольникій монахъ, — съ двѣма иконами черезъ Сибирь и Опоньское государство, гдѣ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ океанъ-моря, именуемаго Бѣловодъ-емъ, — и искалъ въ оныхъ странахъ древняго благочестія. Со истиною завірю, что обрѣли мы тамо сто семьдесятъ церквей асирскихъ и сорокъ русскихъ, кои имѣютъ патріарха, митрополита и епископовъ древняго поставленія!..

— На Бѣлоглавыхъ городахъ Ливанскихъ, — увѣряли другіе раскольникіи сочинители, — и до сего времени обрѣтаются въ сокровеніи епископы „древняго благочестія“, кои и двума портами молятся и весь „истово православный“ чинъ содержатъ!..

Такія сказки о яко-бы имѣющихся въ „Опоньскомъ“ государствѣ и на „Бѣлоглавыхъ“ Ливанѣхъ „древне-православныхъ“ митрополитахъ и епископахъ въ нѣкоторой степени

утѣшали раскольниковъ-поповцевъ въ отсутствіи у нихъ согласія *сообща* архіереевъ, ибо таковые, хотя и гдѣ-то далеко, а все таки якобы и обрѣтались, — но, тѣмъ не менѣе, съ того времени, когда Керженецъ, бывший главнымъ распространителемъ всѣхъ этихъ фантастическихъ повѣствованій, испыталъ вразумительное для раскола воздѣйствіе церковной и правительственныхъ властей, надолго потерялъ свое первенствующее значеніе въ мірѣ „поповщины“, и когда его мѣсто заступили Вѣтка и Стародубье, вѣтра „людей древняго благочестія“ въ сказочныхъ единоголасныхъ съ ними архіереевъ ослабѣла и начались попытки раздобыться архіерействомъ не фантастическимъ, а дѣйствительнымъ.

Вотъ тогда-то, — а это было уже послѣ порной четверти вѣка, — и произошли многократные и тщетные хлопоты вѣтковскихъ и стародубскихъ раскольниковъ получить для того или другаго изъ своихъ „бѣглыхъ поповъ“ архіерейскую хиротонію отъ молдавскихъ православныхъ митрополитовъ, и вотъ съ того-то времени, — это слѣдуетъ непрѣменно отмѣтить, — въ теченіи трехъ десятковъ лѣтъ, т.-е. до начала царствованія императрицы Екатерины II, въ мірѣ „древняго православія“, одинъ за другимъ явились три самозванца, выдававшіе себя за архіереевъ.

Первымъ былъ Епифаній Реуцкій, „отъ рода жидовска и обливаніемъ крещенъ“, который разсказывалъ, что архіерейскую хиротонію онъ получилъ отъ яскаго митрополита Георгія; вторымъ явился бѣглый діаконъ изъ подмосковнаго монастыря „Новаго Іерусалима“, Аонногенъ, называвшій себя епископомъ Лукою, рукоположеннымъ сибирскимъ митрополитомъ Антоніемъ, какого никогда не было въ Сибири, и, наконецъ, третьимъ оказался донской казакъ, проходившій со рваными поздравьями, нѣкій Анфимъ, получившій заглазное рукоположеніе яко-бы во епископскій санъ отъ своего предшественника Луки-Аонногена, въ то самое время, когда этотъ самозванецъ-архіерей, убѣжавъ отъ раскольниковъ въ Польшу, былъ уже женатъ и служилъ въ жолнерахъ...

Такая „тройка“ самозванныхъ архіереевъ, тѣмъ не менѣе, не образумила раскольниковъ въ безумной затѣѣ создать

свою трехчинную іерархію,—и въ царствованіе Екатерины II, когда главнымъ средоточіемъ „поповщины“, взаѣмнѣ окончательнѣо павшей подѣ правительственными воздѣйствіями Вѣтки и потрясеннаго ими-же Стародубя, явилась, наконецъ, богатая раскольникѣя Москва, гдѣ вскорѣ соорудилось пресловутое „Рогожское кладбище“, и когда въ приволжской, Самарской окраинѣ возникъ знаменитый въ исторіи раскола „Иргизъ“ со многими слободами, монастырями и скитами, населенными „людьми древняго благочестія“, возвращенными въ Россію изъ-за польскихъ, австрійскихъ и турецкихъ рубожей милостивымъ манифестомъ мудрой Императрицы,—въ это, повторяемъ, время раскольникѣя исканіи своего собственнаго архіерейства пропѣли себя съ новымъ безуміемъ и съ новою дерзостію.

На основаніи бывшаго въ древне-русской церкви святоподобіа, — по примѣру посвященія Климента митрополита Кіевскаго главою святыхъ мощей Климента папы Римскаго, — раскольники-поповцы хотѣли было тогда поставить кого-либо изъ своихъ въ архіерейскій санъ возложеніемъ на него, при чтеніи установленныхъ молитвъ, руки почивающихъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ святыхъ мощей митрополита Іоны, а затѣмъ, когда это дерзновенное умышленіе имъ не удалось, они имѣли безуміе подать правительству и духовной власти прошеніе о дарованіи имъ „особаго епископа“.

Послѣдствіемъ этой просьбы, съ воцареніемъ Императора Александра I, было учрежденіе *единовѣрія*, — то-есть дарованіе „людямъ древняго благочестія“, на условіи примиренія ихъ съ церковію, права имѣть назначаемыхъ Синодомъ священниковъ, которые должны совершать богослуженія по старому до-никоновскому обряду,—но эта мудралъ мѣра для примиренія религіознаго недоразумѣнія, въ виду объявленныхъ вмѣстѣ съ нею многихъ послабленій для раскола, съ цѣлію образумить его мѣрами кротости и распространеніемъ просвѣщенія, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, принята была поповщиной за уступку правительства къ ея дерзкимъ требованіямъ,—и она, во все время кроткаго царствованія Александра Павловича, продолжала сманивать для себя священниковъ

изъ господствующей церкви, питая надежду, что вслѣдъ за *единоутріемъ* въ Россіи явится и свободнодѣйствующій епископъ, который, какъ, имъ желается, будетъ служить по до-никоновскимъ книгамъ, или, иначе говоря, будетъ такимъ архіереемъ, какого они искали въ теченіи цѣлаго вѣка.

Но съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I, всѣмъ поповцамъ-раскольникамъ пришлось понять, что такія ихъ надежды были болѣе чѣмъ напрасны, ибо наступили времена, которыя отмѣчены въ ихъ сказаніяхъ наименованіемъ „время грозныхъ“.

Строгий ревнитель православія Императоръ Николай Павловичъ указалъ правительству и духовной власти цѣлый рядъ мѣръ для вразумленія и ослабленія раскола, и въ числѣ ихъ самою дѣйствительною и самою внушительною для раскольниковъ явилось запрещеніе, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, сманивать въ „поповщинскій“ толкъ священниковъ изъ господствующей церкви.

Тѣ „бѣглые попы“, которые къ тому времени находились въ нѣдрахъ раскола, объявлены были *терпимыми* до ихъ смерти, новыхъ-же „клятвопреступниковъ бѣглецовъ-іереевъ“ указано было преслѣдовать всѣми способами и предавать суду сначала духовной, а затѣмъ гражданской власти.

— Что намъ теперь дѣлать...—говорили въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго вѣка ошеломленные такими правительственными распоряженіями поповцы.—Годовъ черезъ десять, или пятнадцать, всѣ наши „бѣгствующие іереи“ перемрутъ, а новыхъ при такомъ грозномъ времени приобрести будетъ нельзя!.. Придется либо безпоповцами сдѣлаться, либо съ „никонианами“ соединиться,—другихъ исходовъ не найдешь!.. Сходнѣе будетъ идти къ „никонианамъ“, — они все таки лучше безпоповцевъ!..

Такимъ образомъ, „поповщина“ въ эти *грозныя времена* находилась при послѣднемъ издыханіи, но вдругъ отыскалась хитроумная голова, которая нашла, что такой бѣдѣ „древняго благочестія“ помочь можно и разсуждала при этомъ слѣдующимъ образомъ:

— Все наше горе происходитъ оттого, что мы во-время

своимъ собственнымъ трехъ-чиннымъ священноначаліемъ не обзавелась!.. Будь у насъ хоть одинъ свой собственный архіерей, — мы-бы о теперешнихъ строгостяхъ и думать не стали!.. Посадили-бы мы этого самаго архіерея отъ всѣхъ напастей подальше, гдѣ-нибудь за границей, — и сидѣлъ-бы онъ тамъ, да памѣ-бы іереевъ поставлялъ, — и никакого „бѣгствующаго священства“ для насъ не понадобилось-бы!.. Нельзя-ли попробовать и теперь, въ самомъ скорѣйшемъ времени, раздобыться такимъ архіереомъ?.. При немъ все наше православіе и окрѣпить-бы могло, и самой настоящей церковію съ трехъ-чинной іерархіей стало-бы разцвѣтать!.. Все это надо сообразить и обдумать, — можетъ, что и выйдетъ!..

Кому принадлежала эта голова, въ какой расколыничьей мѣстности она обрѣталась и что, наконецъ, придумала и какъ свои замыслы объявила, — объ этомъ мы расскажемъ въ слѣдующей главѣ, считая настоящую необходимымъ историческимъ введеніемъ къ нашему будущему, на почвѣ исторіи-же основанному, романическому повѣствованію о томъ, какъ расколыничье золото пріобрѣло въ лицѣ купленнаго его цѣной боснійскаго, печальной памяти, грека-митрополита Амвросія, основателя существующей до нынѣ самочинной расколыничьей бѣлокриницкой лже-іерархіи.

II.

Въ „Иргизскихъ“ снітахъ.

„Иргизомъ“ называется мѣстность по лѣвому берегу Волги въ границахъ Самарской губерніи, получившая это названіе по рѣкѣ Иргизу и населившаяся расколыниками съ того времени, когда, — о чемъ мы уже упоминали, — императрицей Екатериной II изданъ былъ милостивый манифестъ, призывавшій всѣхъ убѣжавшихъ за границу „людей древняго

благочестія“ возвратиться въ Россію на свободное жительство въ отведенныхъ для нихъ земляхъ Нижняго Поволжья.

Вмѣстѣ съ первыми поселниками этой мѣстности, положившими здѣсь начало громаднымъ раскольниковымъ слободамъ Криволучью, Балакову и Мечетному (нынѣ городъ Николаевскъ), сюда-же прибрело изъ-за польскаго рубежа не мало скитниковъ и скитницъ „древняго благочестія“ которые не замедлили устроить нѣсколько скитовъ, избирая для такихъ своихъ иноческихъ обитателей то дѣсныя пустыньки въ дубовыхъ рощахъ близъ Криволучья, то живописные берега рѣкъ и озерковъ около Балакова и Мечетнаго.

Изъ началу текущаго столѣтія, изъ всѣхъ этихъ Иргизскихъ скитовъ особенно извѣстны и многочисленны были мужскіе: Нижне-Воскресенскій, Средне-Никольскій и Верхне-Успенскій, а женскіе: Верхне-Покровский и Средне-Успенскій.

Въ первое время своего существованія раскольничьи обители на Иргизѣ удовлетворяли только, такъ сказать, мѣстнымъ пуждамъ „людей древняго благочестія“, а затѣмъ имъ пришлось играть очень важную роль въ „духовныхъ“ дѣлахъ и всероссійскаго раскола,—и въ продолженіи снѣшкомъ тридцати лѣтъ, до начала царствованія Николая I, въ ихъ стѣнахъ принимались и „неправлялись“ отъ никоніанской ереси“ почти всѣ „бѣглые поны“ и выпускались затѣмъ изъ ихъ келій для „духовнаго окормленія“ всего древняго православія“.

Населеніе такихъ очаговъ раскола въ Нижнемъ Поволжѣ состояло, какъ и во всѣхъ другихъ обителяхъ поповщины и беспоповщины, большею частію, изъ разнаго темнаго сброда укрывавшихся отъ своихъ помѣщиковъ крестьянъ, бѣглыхъ солдатъ и даже утекшихъ изъ Сибири каторжниковъ.

Въ подтвержденіе этого, минуя другіе факты, достаточно сказать, что въ Иргизскихъ скитахъ „спасалъ свою душу“ даже и самъ Емѣлья Пугачевъ.

Правительство Императора Николая Павловича въ своихъ мѣропріятіяхъ противъ раскола обратило на Иргизъ особое вниманіе,—и его „древне-православнымъ“ скитникамъ при-

шлось узнать всю строгость вразумляющихъ правительственныхъ мѣропріятій.

Всѣ ихъ, до того времени не знавшія никакого надзора властей, обитатели были тогда подчинены усиленному наблюденію со стороны губернскаго начальства, которое въ скоромъ времени пресѣкло промыселъ „бѣглыми попами“ и удалило, куда слѣдуетъ, весь темный, подозрительный и преступный людъ, укрывавшійся подъ „кафтырями и мантиями“ иноковъ раскола.

Мало того, иргизской раскольничьей монашескою братіи довелось тогда-же узнать, что такое рекрутская повинность и нести на себѣ общія государственныя повинности, чего она до того „грознаго времени“ никогда не испытывала.

Но не смотря на все это, Иргизскіе скиты продолжали существовать, благодаря денежнымъ пособіямъ богатаго раскольничьяго поположскаго и московскаго купечества, а особенно живучимъ и стойкимъ—„подъ бурей никоніанами на древнее благочестіе воздвигнутой“—явился самый большой изъ нихъ Верхне-Успенскій, который находился подъ особеннымъ покровительствомъ жены извѣстнаго богатѣйшаго откупщика, купца изъ города Вольска Василія Злобина.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ истекающаго вѣка, Иргизскій скитъ этотъ былъ еще до такой степени богатъ и силенъ, что сохранилъ въ своихъ стѣнахъ и двухъ „бѣглыхъ поповъ“ и всѣ свои обительскія торжества, а въ особенности часовенныя службы по случаю ярмарки, въ началѣ августа, въ смежной съ нимъ слободѣ Мечетной,—справлялъ „съ великимъ благолѣпіемъ и преизрядными трапезами утѣшенія, яко-же и до грознаго времени бываху“...

И вотъ, въ августѣ 1831 года, къ одной изъ такихъ скитскихъ „трапезъ утѣшенія“, ради открытія ярмарки въ Мечетномъ, настоятель Верхне-Успенскаго скита Силуанъ пригласилъ болѣе видныхъ и почетныхъ поволожскихъ купцовъ, съѣхавшихся на это торжище.

Всѣ эти „древне-православные“ торгаши припожаловали къ „отцу“ Силуану прямо въ его настоятельскіе покои, и

послѣ обѣда, состоявшаго изъ рыбныхъ свѣдой, пригубили по стаканчику, кто хереску, кто цимлянскаго, а притомъ и разговоры завели.

— Ахъ, милостивцы, — говорилъ съ весолой улыбкой отецъ Силуанъ своимъ гостямъ: — времена теперь стоятъ тяжолыя, а мы въ своемъ скиточкѣ и упывать не думаемъ!.. У насъ на скитскихъ воротахъ третьяго дня такую грамотку какой-то грѣховодникъ прибиль, что безъ смѣху читать невозможно!..

— Какая-же это такая грамотка? — спрашивали гости-купцы. — Ежели она потѣшна, такъ и намъ ты ее прочитай!.. Надъ смѣшнымъ и смѣяться не грѣхъ, а одно веселіе!..

— Отчего не прочесть!.. — Смѣхъ да забава — босѣды приправа!.. Называется эта самая грамотка „Адской газеты“, а прописано въ пей тако!.. Слушайте, милостивцы!..

Настоятель Силуанъ вытащилъ изъ кармана своей рясы бережно сложенный листъ бумаги, развернулъ его и началъ читать:

— „Вышла газета ада, какая грѣшникамъ отъ сатаны будетъ награда!.. Въ нынѣшній вѣкъ, — зри всякъ человѣкъ, — истина охромѣла, любовь простудой захирѣла, а самочиніе стало скитамъ знакомо, гдѣ ненависть вмѣсто эконома!“..

— Ха-ха-ха!.. Ловко!.. Вотъ такъ скитской экономъ!.. Сладко сказано!..

— А вы, милостивцы, слушайте, что дальше будетъ!.. „Во адѣ, въ судейской палатѣ, сѣлъ сатана на сѣдало и закричалъ: „отчего грѣшниковъ мало?“.. И пришли къ нему скитники-чернецы, вино да чай пить большіе молодцы. И сказалъ имъ сатана: „будетъ вамъ въ аду честь отдана!“.. И подскочилъ къ скитникамъ бѣсъ безъ хвоста и закричалъ: „вы не соблюдали поста, лѣнны были поклоны класть; такъ узнайте-же геенны огненной сласть!“ Тутъ онъ съ нихъ камиларки да мантии скинулъ и въ тѣмъ хромѣющую ихъ низринулъ!“..

— Важно!.. Самымъ настоящимъ маіеромъ васъ, отцовъ-скитниковъ, прохватали!.. Ха-ха-ха!..

И долго хохотали „древне-православные“ купцы надъ ду-

боватымъ осмѣяніемъ въ „Адской газетѣ“ своихъ черноризцевъ обительскихъ, — и только одинъ, молчаливо сидѣвшій въ сторонѣ отъ всѣхъ, высокій, худой и моложавый еще, армяночный гость скитской „трапезы утѣшенія“, не то сердито, не то съ сожалѣніемъ смотрѣлъ своими глубоко-впавшими сѣрыми глазами и на „отца“ Силуана, улыбавагося во всю ширину своего краснаго, заплывшаго жиромъ и обросшаго клочковатой бородой лица, и на товарищей торговшей, которые обрадовались случаю посмѣяться...

— Эхъ, купцы, кунцы!.. — наконецъ сказалъ онъ звонкимъ, но уже нѣсколько надтреснувшимъ голосомъ. — Но время теперь намъ лсы да блясы точить и зубы надъ всякою глупостью скалить, а надо о дѣлѣ подумать!..

— О какомъ дѣлѣ?.. О торговомъ, что-ли?.. Ежели такъ, то мы о немъ у себя въ лавкахъ вдоволь надумались, а теперь здѣсь, благо статья такая подошла, и посмѣяться можно!..

— Не о торговыхъ дѣлахъ я говорю, а о нуждѣ великой всего нашего дремлаго благочестія!..— продолжалъ, поднявшись съ своего мѣста, моложавый торговецъ. И по своей торговлѣ дониконовскими антимиасами, скоропечатными книгами и древними иконами, почитай, по всей Россіи бѣжу,— и вижу, что при теперешнихъ строгостяхъ, вездѣ и всюду нашему согласію конечная погибель угрожаетъ... Теперь на всѣ многія сотни тысячъ „людей древняго православія“ никакъ не болѣе двадцати „бѣгствующихъ іереевъ“ насчитывается, да и тѣ въ недолгое время за смертію своею перевестись должны... И вотъ уже и въ настоящіе дни, по причинѣ ихъ столь малаго числа, младенцы наши то тамъ, то здѣсь, по полугоду остаются безъ крещенія и умираютъ часто, не дожидавшись его,—уже и нынѣ, по той-же нуждѣ, наши скончавшіе свои дни отцы, матери, сестры и братья зарываются въ могилы не отпѣтыми,—но, скажите мнѣ, что будетъ тогда, когда во всемъ нашемъ согласіи ни одного іерея не будетъ. и когда, „ради страха никониѣвска“, не явится никакой возможности привлечь отъ господствующей церкви въ наше общество хотя-бы и единаго даже самаго недостойнаго свя-